Cahiers du MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe
Russie - Empire russe - Union soviétique et États indépendants

50/4 | 2009
Varia

Ilya Vinitsky, Ghostly Paradoxes

Мария Майофис

Édition électronique
URL : https://journals.openedition.org/monderusse/7160
DOI : 10.4000/monderusse.7160
ISSN : 1777-5388

Éditeur
Éditions de l'EHESS

Édition imprimée
Date de publication : 15 décembre 2009
Pagination : 796-801
ISBN : 978-2-7132-2261-0
ISSN : 1252-6576

Référence électronique
Мария Майофис, «Ilya Vinitsky, Ghostly Paradoxes», *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 50/4 | 2009, Выложить онлайн 12 janvier 2011, Наводить справки в 04 septembre 2022. URL: http://journals.openedition.org/monderusse/7160 ; DOI: https://doi.org/10.4000/monderusse.7160

Ce document a été généré automatiquement le 4 septembre 2022.

All rights reserved

Ilya Vinitsky, Ghostly Paradoxes

Мария Майофис

RÉFÉRENCE

Ilya VINITSKY, **Ghostly Paradoxes. Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism**. Toronto : University of Toronto Press, 2009, 252 p.

1 «Ghostly Paradoxes» — новая книга историка литературы и культуры Ильи Виницкого, профессора университета Пенсильвании (Филадельфия). Это одна из самых оригинальных и новаторских книг по истории русской культуры XIX века из числа появившихся в последние несколько лет.

2 Исследовательская стратегия, примененная в этой книге, близка к той, что описал много лет назад в своем манифестарном предисловии Карло Гинзбург: «...речь шла о том, чтобы ввести в сферу исторического познания не те феномены, которые кажутся вневременными, а те, которые кажутся несущественными <...> но чтобы продемонстрировать значимость несущественных, на первый взгляд, явлений, необходимо было прибегнуть к новым исследовательским инструментам и к новым масштабам наблюдения, отличающимся от привычных»[1]. Илья Виницкий предлагает и обосновывает в своей книге именно такую смену масштабов и инструментария. «Несущественным» объектом, который позволил Виницкому заново рассмотреть историю русской культуры второй половины XIX века, стал спиритизм как разветвленный комплекс практик и артефактов: собственно вызывание духов и складывающиеся вокруг спиритических сеансов сообщества; тексты, которые, как считалось, были «продиктованы» духами в процессе спиритических сеансов; философские и естественнонаучные «обоснования» спиритизма; дискуссии в периодической печати по поводу спиритических сеансов, текстов и деятельности знаменитых медиумов.

3 Книга разделена на две части. Первая посвящена спиритическому сеансу как культурной метафоре: в ней последовательно рассмотрены история совместного участия Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и П.Д. Боборыкина в спиритическом сеансе, состоявшемся в феврале 1876 года, и отзывы писателей об этом опыте (гл. 1), историческая драматургия и собственно историография 1860-х годов как близкие (по методу обращения к прошлому) аналоги спиритического сеанса (гл. 2) и, наконец, практики записи и распространения текстов, якобы надиктованных известными русскими поэтами (Пушкиным, Лермонтовым, Барковым и проч.) (гл. 3).

4 Вторая часть книги посвящена взаимоотношениям спиритизма и русской художественной литературы 1860-1880-х годов. Ее героями стали писатель и ученый-естествоиспытатель Николай Вагнер (гл. 4), Н.Е. Салтыков-Щедрин (гл. 5), Ф.М. Достоевский (гл. 6), Л.Н. Толстой (гл. 7) и Н.С. Лесков (гл. 8).

5 Как справедливо пишет сам Виницкий, до начала 1990-х годов историки культуры и историки идей считали разного рода «бытовую демонологию» второй половины XIX и первой половины XX века совершенно не заслуживавшей внимания. Однако в последние двадцать лет положение изменилось: в книгах Жака Деррида «Spectres de Marx : l'État de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale» (1993), Тери Кэсл «The Female Thermometer: Eighteenth-Century Culture and the Invention of the Uncanny» (1995), Эвери Ф. Гордон «Ghostly Matters: Haunting and the Sociological Imagination» (1996), Стивена Гринблатта «Hamlet in Purgatory» (2001) и Элен Сорд «Ghostwriting Modernism» (2002) авторы, по словам Виницкого, так или иначе попытались «"разговорить" привидение, заставить его "рассказать" о тех религиозных, культурных, психологических, идеологических или эстетических конфликтах, которые оно "материализует"» (с. XIII).

6 Книга Виницкого органично встраивается в контекст перечисленных выше работ — она впервые предлагает масштабную историко-культурную разработку «спиритической» темы на российском материале. Это тем более важно, что в последние годы правления Николая I спиритизм был, как показывает Виницкий, единственным иностранным духовным учением, получившим распространение в России, хотя бы и полулегальное (с. 5).

7 Однако оригинальность книги обусловлена не только новизной материала. По сравнению со всеми перечисленными выше работами Виницкий принципиально широко конструирует свой исследовательский объект. В рамках одной книги обсуждается и отражение проблематики спиритизма в произведениях выдающихся русских писателей, и полуграфоманские стихи, написанные медиумами под воздействием «инспираций», якобы исходивших от духов умерших поэтов. Еще более важное — и, пожалуй, главное — достижение этой книги состоит в том, что спиритические феномены — сообщества, дискуссии, собственно спиритические сеансы — рассматриваются как необходимая составляющая 1850-1870-х годов, — эпохи, которую до сих пор принято описывать как предельно материалистическую и позитивистскую по своему общему интеллектуальному настроению.

8 вплоть до настоящего времени в истории литературы сохраняется представление о том, что романтизм, реализм и модернизм представляют собой последовательно сменявшие друг друга эстетические системы, взаимодействующие по принципу «тезис-антитезис-синтез», причем в этой эволюционной цепи каждая следующая стадия в существенных чертах отталкивается от предыдущей. попытки пересмотреть эту схему были либо персоналистическими, либо эпатажно-скептицистскими. персоналистические попытки сводились к эстетической канонизации авторов, критически «подрывавших» господствовавшие в «эпоху реализма» позитивистские настроения — в случае русской литературы речь идет об аполлоне григорьеве, афанасии фете, алексее к. толстом, николае лескове. в россии этот путь избрали многие критики и историки литературы 1970-1990-х годов[2]. с эпатажно-скептицистских позиций эту схему попытался пересмотреть философ вадим руднев — он предложил считать «реализм» не слишком удачным названием для искусства позднего романтизма (по аналогии с тем, как вторая половина xix века в истории симфонической музыки считается периодом позднего романтизма)[3].

9 виницкий равно далек от этих крайностей — «партизанской» и «опровергающей». он показывает, что реализм именно в своих сущностных чертах, в устремлениях к репрезентации «потусторонней», фикциональной реальности как реальности этого мира был явлением того же порядка, что и спиритизм. таким образом, реализм и спиритизм в равной степени наследовали романтизму, и реализм — в гораздо большей степени, чем казалось ранее.

10 но у этого процесса была и другая сторона: спиритизм, как показывает виницкий, в значительной степени ориентировался на нормы и концепции позитивной науки. в основе спиритизма лежало желание разрешить наиболее захватывающие исторические и метафизические загадки с помощью процедур экспериментального естествознания. это обусловило драматизм положения спиритов, особенно остро проявившийся в российской ситуации периода великих реформ: их критиковали и сторонники «нормального» естествознания (они трактовали спиритический опыт как коллективную галлюцинацию), и сторонники официальной церкви (они считали спиритизм следствием маловерия).

11 новая книга отчасти продолжает прежние работы виницкого — «нечто о привидениях» (1998) и «утехи меланхолии» (1997), в которых шла речь о «низшей демонологии» и персонификациях психических сил в творчестве в.а. жуковского и н.в. гоголя[4]. однако эти книги были менее радикальными по своим выводам, чем «Ghostly Paradoxes». в самом деле, интерес писателей-романтиков к описанию нематериальных, потусторонних сущностей логично следовал из общих черт романтической эстетической программы во всех ее многочисленных вариантах: обращения к фольклору и средневековью, полемики с рационализмом просвещения, внимания ко всему таинственному и непостижимому. новая книга виницкого

показывает, что реалисты испытывали не меньшую, хотя и иную по своему выражению, «завороженность потусторонним», чем романтики.

12 История интереса «реалистов» к потустороннему и является одним из главных сюжетов книги. Представление о духовных силах в 1850-е годы по сравнению с 1830-ми становится более демократическим и более «экспериментальным». Созерцание духов в культуре романтизма — удел избранных, наделенных особыми способностями натур. «В 1830-1840-е годы тема привидений ассоциировалось с популярнейшей темой ясновидения, то есть способности некоторых людей... проникать в состоянии сомнамбулического транса в прошлое или в будущее, читать мысли на расстоянии, видеть духов и беседовать с ними»[5]. В 1850-1860-е годы общение с потусторонним миром оказывается прежде всего результатом применения «научно» обоснованных методов. Спиритический сеанс Виницкий описывает как «миракль», по своим философским предпосылкам и социальным характеристикам находящийся посередине между научными и религиозными практиками. Актеры в нем — «и медиумы, и зрители, а действие происходит на границе физического и духовного мира» (с. 62).

13 Спиритизм и реализм, таким образом, оказываются равноправными выражениями социально-психологических изменений, происходивших в России 1850-1870-х годов. Виницкий, однако, не пишет о том, как в целом можно было бы охарактеризовать эти изменения и были ли у них и другие столь же масштабные культурные репрезентации.

14 Спиритизм в книге «Ghostly Paradoxes» — не только исследовательский объект, но и методологическая «линза», сквозь которую Виницкий рассматривает противоречия в произведениях писателей-реалистов. О том, что метод «реализма» основан на неявном противоречии, проницательные исследователи писали и раньше[6], но с помощью оптики, использованной Виницким, анализ этих противоречий оказывается особенно эффективным. Отношение к спиритизму предстает в книге как — пользуясь психологическим термином — проективный тест, позволяющий судить о глубинных — впрочем, далеко не всегда бессознательных — основах поэтики наиболее значительных русских писателей второй половины XIX века. Так, например, Виницкий обнаруживает, что ключевое для эстетических теорий Л. Толстого 1880-1890-х годов понятие «заражение» появляется под влиянием дискуссий о психической инфекции и массовом гипнозе.

15 Два типа инструментария, использованные Виницким в его новой книге: историко-понятийный — применительно к творчеству классиков русской литературы второй половины XIX века, и литературно-социологический — применительно к массовой продукции той же эпохи, — приводят автора к очень смелым и в то же время убедительным выводам. Однако параллельное и даже почти синхронное использование этих инструментов заставляет задуматься о границах применимости по крайней мере второго, социологического подхода.

16 Невозможно установить, насколько текстуальные практики (такие, как «автоматическое письмо» медиумов) и особенно произведения «высокой»

литературы, в которых описываются спиритические сеансы или изображаются поклонники спиритизма, позволяют судить о переживаниях «рядовых» участников спиритического движения. Однако реконструкция этих переживаний необходима для более полного понимания той новой картины историко-культурного процесса, которую формирует Виницкий. Судя по его книге, средний уровень литературного мастерства, литературных способностей и особенно психологической рефлексии «обычных», не связанных с литературой последователей спиритизма был весьма низким, и вместо вербализации собственного мироотношения в процессе «автоматического письма» они в лучшем случае могли старательно воспроизводить культурные штампы. Попытка проникнуть в мир «рядовых» спиритов наталкивается на такие же трудности, с которыми встречаются исследователи европейского средневековья и других культур, основанных на использовании клише, смысловые оттенки которых были доступны только самим участникам событий. Вопрос о соотношении текстуальных практик и эмоциональной и ментальной картины мира русских спиритов XIX века, конечно, выходит за рамки поставленной автором задачи и требует изучения множества дополнительных (прежде всего архивных) источников — это уже тема для следующей книги.

17 Новая работа Виницкого позволяет поставить еще один вопрос общего характера: является ли внеконфессиональный интерес к потусторонним силам простым следствием очень сильного — гораздо более значительного, чем казалось ранее — влияния романтизма на реализм и последующие эстетические системы или это один из постоянно действующих внутренних механизмов европейской культуры эпохи модерности, когда началось формирование своего рода «теневых» феноменов рациональности, характерной для эпохи Просвещения?[7] Насколько можно судить, и Виницкий, и авторы других, написанных в последние два десятилетия работ, посвященных теме «привидений» скорее склоняются ко второму ответу.

18 В заключение следует отметить, что новая книга Виницкого, написанная по-английски, отличается той изящностью стиля и оригинальностью композиции стилем, что и его русские работы, и демонстрирует большое мастерство в четком и убедительном анализе столь трудно уловимого опыта, как общение с загробными духами.

NOTES

1. К. Гинзбург, *Мифы — эмблемы — приметы: морфология и история*, М. : Новое издательство, 2004, с. 13-14 (пер. с ит. С.Л. Козлова, C. Ginzburg, *Miti, emblemi, spie: morfologia e storia*, Torino : Einaudi, 1986).

2. см., например: Л. Аннинский, *Лесковское ожерелье*, М. : Книга,1982 (2-е изд., 1986) ; А.С. Немзер, « Алексей Константинович Толстой », *Памятные даты*, М. : Время, 2002, и другие работы.

3. В. Руднев, *Морфология реальности*, М. : Гнозис, 1996.

4. Я сознательно оставляю в стороне другие сюжеты этих книг, связанные с творчеством В.Л. Пушкина, влиянием И.Г. Юнга-Штиллинга на русскую литературу и др.

5. И. Виницкий, *Нечто о привидениях: истории о русской литературной мифологии XIX века*, М. : Московский культурологический лицей, 1998, с. 69.

6. см.: R. Barthes, « L'effet de réel », *Communications*, n° 11, 1968 ; И. Берлин, « Ёж и лиса » (пер. с англ. В. Михайлина), *История свободы: Россия*, М. : Новое литературное обозрение, 2001, и др.

7. Описание этих феноменов см. во второй и третьей частях книги: Михаил Ямпольский, *Возвращение Левиафана: политическая теология, репрезентация власти и конец старого режима*, М. : Новое литературное обозрение, 2004.